М.А. Чикурова,
аспирантка кафедры теории
и практики культуры РАГС

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ» ЖИЗНЬ МИФА

Миф и политика. Сочетание этих понятий на первый взгляд кажется странным, во всяком случае, неожиданным для нашего сверхрационализированного мировосприятия. Будем руководствоваться принципом Р. Декарта: если договоримся о понятиях, то избежим пятидесяти процентов ошибок.

Сначала о том, что такое миф (при глубочайшем уважении к мыслителям, которые об этом писали. Спасибо им за это!) В обыденном понимании понятие «мифологический» ассоциируется со словами «выдуманный», «фантастический», «нереальный» и тому подобными. На самом деле мифологическое сознание присутствует в наитончайших механизмах социального взаимодействия – мнениях, слухах, зрелищах, информации и даже науке, не говоря об искусстве, которое не переставало видеть реальность сквозь призму мифа. Обладая мастерством аналитика, Платон чувствовал необходимость в мифе, когда приходилось прибегать к настоятельному убеждению.

Миф вездесущ, и этим пользуется политика, весьма эффективно применяя мифологические формы мышления. Чего только стоит одно из популярных определений политики как «искусства возможного». Миф и политика доходят до такого сближения, что взаимно заменяют друг друга.

Проиллюстрируем наши предварительные суждения на некоторых фрагментах политической истории России и других стран.

Для начала краткая отсылка к «абсолютному мифу» (мифологии). Абсолютная мифология – та, «которая ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречает препятствий для своего существования и развития. Такая мифология существует как единственно возможная картина мира, и ни один принцип ее не подвергается никакому ущербу»[1]. Именно в таком облике (или следуя данной формуле) мы видим первую форму существования мифа в политике. Абсолютная мифология есть вершина, высшая точка существования любого мифа, именно к ней он [миф] стремится в своем развитии. На наш взгляд, политика, по сути, предстает как абсолютная мифология. Подробное теоретическое размышление на эту тему, пожалуй, мо-

[1] *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 172.

жет затянуться на несколько страниц, поэтому постараемся проиллюстрировать высказанное мнение, которое, возможно, для кого-то является спорным.

С определенными оговорками, как об «абсолютной мифологии», можно говорить о тоталитарных режимах, в частности, советском. Препятствия для существования «советской (абсолютной) мифологии» если и были, то последовательно и целенаправленно ликвидировались морально и физически.

Не только в новейшей истории можно найти примеры абсолютной мифологии. На существование последней наталкивает изучение истории России, например XVII век, эпоха правления Алексея Михайловича. В чистом виде насаждаемый царем миф, скорее всего, следует рассматривать как пример иного содержания мифа – конструирование новой реальности. Однако элементы абсолютной мифологии присутствуют и здесь: реформирование церкви, повлекшее за собой возвышение царя, и как следствие – уже в правление его сына, Петра I, – сосредоточение власти только в руках царя, приобретшего титул императора. «Он [Алексей Михайлович] остался верен и образу византийского императора…Совершение царем тщательно разработанных ритуалов, обеспечивающих спасение его паствы, обнаруживало неподвластную времени святость его власти, его превосходство над подданными и приближенными. …К титулу Алексея Михайловича было добавлено слово *святой* [курсив авт.], входившее в титул византийского императора»[1].

Пытаясь разнести различное содержание мифа(ов), мы с необходимостью сталкиваемся с их пересечением. Так и в этом примере, помимо указанного смыслового наполнения есть еще одно – историческая отсылка, миф исторический (русские цари – преемники византийских базилевсов).

Тем не менее попробуем более пристально рассмотреть и другие превращенные формы мифа. Следующую представляемую нами форму можно условно обозначить как «вечный миф». В чем-то она близка к абсолютной мифологии, поскольку существует практически во всех проявлениях человеческого разума и духа, и, как правило, неподвластна ничьему влиянию. Пожалуй, наиболее понятными будут иные формулировки «вечного» применительно к мифу – архетипы коллективного бессознательного, вечные сюжеты: борьба Добра и Зла, обязательный Герой и его антипод (герой – трикстер) и т. д. Такую разновидность мифов практически невозможно уничтожить, поскольку они глубоко запечатлены в ментальных структурах чело-

[1] *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 55.

века. Эти мифы либо блокируются, подменяются, либо актуализируются, но не исчезают бесследно. Вспомним столь насыщенные мифами тоталитарные эпохи. В СССР наиболее ярко данный «вечный» сюжет проявился в правление И. Сталина. «Враги народа» и народный же Герой властвовали над умами людей; если не враг народа, то диссидент становились «злодеями».

Однако не только в этом проявляется «вечный» миф. Еще одним примером «вечной мифологии» в СССР и России является вера в светлое будущее: вера в «доброго царя» (Лжедмитрии, Емельян Пугачев), миф о «светлом коммунистическом завтра» и т. д. Все это воплощения переформулированного древнего мифа о Золотом веке. Следовательно, при рассмотрении конструкции «вечных» мифов с позиции политической технологии мы приходим к следующим выводам. Во-первых, чтобы быть успешным, политику необходимо быть вписанным в миф. Во-вторых, идеальной формой будет именно «вечный» миф, как глубоко укорененный в сознании людей. В-третьих, становясь мифологическим персонажем – героем (неизменно *несущим в себе положительное содержание*), политик становится популярным, а занимая при этом позицию руководителя, легитимизирует свою власть либо власть института, который возглавляет.

Одной из форм существования «вечной мифологии» является так называемые национальные мифы, составляющие «душу народа» (Г. Лебон). Национальное самосознание пронизано и основано на этих мифах. «… все яркие с точки зрения нации события насквозь мифологичны»[1]. История пронизана мифами, и каждый новый правитель фактически переписывает историю заново: советская власть расставляла новые акценты в «дела минувших дней», после распада СССР и прихода к власти демократов в истории России «вскрылись» новые факты, и устоявшиеся мнения были низвергнутыЗдесь стоит заметить, что политический миф, по мнению некоторых авторов, и есть «идеологически маркированный рассказ о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего»[2]. В данном случае под «идеологически маркированным» подразумевается как раз то, о чем говорилось выше: данное повествование (в том числе история) содержит призыв «занять определенную идеологическую позицию». Таков пример интерпретации Отечественной войны 1812 г., «последнего и решительного боя» – Бородинского сражения и роли М.И. Кутузова. Во время Второй мировой войны эта мифология была возрождена, и войну объявили Отечественной – прямая отсылка к 1812 году. Также была «откорректирована» оценка истори-

[1] *Почепцов Г.* Психологические войны. М., 2000. С. 216.
[2] *Флад К.* Политический миф. М., 2004. С. 41.

ками роли Бородинского сражения: от первоначальной позиции «поражение русской армии, вынужденной из-за потерь отступить» к доказательству положения, что «Наполеон первым отвел войска с поля боя, т.е. признал поражение». Сила мифа заключалась и в исторической аналогии: советские войска будут гнать фашистские войска до Берлина, как гнали Наполеона до Парижа. «Гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма»[1].

В рамках «национальных» политических мифов отдельно стоит упомянуть представление нации (народа) об ее исключительности, исторической миссии и предназначении.

Вечные сюжеты всегда присутствуют в политике, но здесь не обходится и без «врйменных» мифов, выполняющих роль сиюминутной политической технологии. Не стоит забывать о вскользь затронутых мифах «исторических». Таким, на наш взгляд, является миф «Москва – Третий Рим». В учении Филофея перемешаны и история, и «миф о спасении». «В XV и XVI столетиях формировались теории, обосновавшие притязание Московской Руси быть правопреемницей Восточного и Западного Рима. «Степенная книга» (1563) и «Лицевой летописный свод» (70-е гг. XVI в.), «Сказание о князьях Владимирских» (первая треть XVI в.) создавали стройную концепцию русской истории, предназначенную стать опорой вселенского православия»[2]. Апофеозом существования названной теории было учение Филофея «Москва – Третий Рим», т. е. третье и последнее мировое царство, «которому Провидение предназначило выполнить мировую роль во имя торжества православия и православного государства»[3].

Идея, выраженная в данной концепции, продолжает свое существование и в современной России. Программы таких политических партий, как ЛДПР и «Родина», пронизаны духом учения Филофея: «как ядро Восточно-христианской цивилизации Россия…»[4], «Господство Западно-христианской цивилизации, обеспечивающее привилегии так называемого золотого миллиарда, чревато для остальных цивилизаций и жителей планеты крайне негативными последствиями»[5] и т. д. и т. п. Здесь уместно вспомнить правителей, которые хо-

[1] *Сталин И.В.* Выступление по радио 3 июля 1941 г. // О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 12.

[2] *Ахиезер А.С.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (историко-культурное исследование) // Pro et Contra. Т. 7. № 3. Лето 2002. С. 57.

[3] Там же.

[4] Программа ЛДПР (принята XVII съездом ЛДПР 13 декабря 2005 г.) // http: www.ldpr.ru/ldpr/programm.

[5] Там же.

тели доказать свою легитимность, обратившись к предкам, фактически создавая свою родословную. «Подобно императорам Священной Римской империи и другим западным монархам, московские князья подтверждали свои притязания на верховную власть при помощи мифических генеалогий, показывавших на их высокое происхождение. «Сказание о князьях Владимирских», составленное в первой половине XVI столетия, ввело в исторический документ имя брата Августа, Пруса, который будто бы правил прусскими землями и был прямым предком Рюрика. А линию московских князей возводили непосредственно к Рюрику. …Иван IV, хвастаясь своим «германским» происхождением от Рюрика, утверждал, что он не «русский». Изображение орла на императорском щите он объяснял своим кровным родством с Августом»[1].

Пример Ивана IV далеко не единственный в российской истории. Не столь далекая советская эпоха знала похожие примеры. И если поиск исторических оснований, обосновывающих «претензии на престол», невозможен, как, например, в современный нам период, то наблюдается фактически передача власти, которая повторяет «семейную драму» (еще один миф, живущий в политике). Наглядным примером может служить последняя смена президента страны, прошедшая буквально по мифологическому сценарию. Тем самым это укладывалось в существующее, уходящее корнями в прошлое представление российского общества о переходе власти. Демократия еще не прижилась в России, а ее принципы не столь укоренились в сознании людей, чтобы «вытолкнуть» существовавшие веками представления о правителе (царе) и наследовании трона. «В России представление о верховной власти с самого начала было отождествлено с понятием империи; это отождествление сохранялось и в дальнейшем: единственным настоящим государем был император, который обладал полной и всесторонней властью»[2]. Пожалуй, данное утверждение правдиво и может быть применено при анализе не только императорской России, но и советской и даже современной ситуации.

Поведение действующего президента после выборов было направлено на поддержание, актуализацию этого мифа: инаугурация, прошедшая с помпезностью и размахом, достойным коронации русского императора. Все действия В.В. Путина находят поддержку и вызывают доверие у населения (они понятны и соответствуют зало-

[1] *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 47.

[2] Там же. С. 31.

женным в действующий – актуализированный – миф ожиданиям), о чем свидетельствуют данные социологических опросов[1].

Распределение ответов на вопрос о доверии следующим институтам власти и общественным организациям
(в %)

Институты власти и общественные организации	В основном доверяю	В основном не доверяю	Затруднились ответить
Президенту России В.В. Путину	69,9	20,8	9,3
Федеральному Правительству	33,1	43,8	23,1
Государственной Думе РФ	21,6	56,0	22,4
Совету Федерации РФ	25,7	44,4	29,9
Судам	28,3	47,7	24,0
Прокуратуре	29,3	43,0	27,7
Федеральной службе безопасности	42,8	30,7	26,5
Органам внутренних дел (милиции)	23,1	59,0	17,9
Органам местного самоуправления	26,0	49,3	24,7
Органам областной (краевой, республиканской) власти	23,2	46,7	30,1
Профсоюзам	24,7	42,4	32,9
Женским, ветеранским, иным общественным организациям	35,5	31,4	33,1
Политическим партиям и движениям	11,5	60,7	27,8

Зачастую мы сталкиваемся с версией происходящего, которая транслируется СМИ. Однако понимание, что это лишь миф, у большей части публики отсутствует: например, в советское время интерпретация практических всех событий носила именно «мифологический», иллюзорный характер, причем как со стороны СССР, так и зарубежных стран.

Порой создается миф-иллюзия, образ, которого не существует в действительности, но он помогает решить политику(кам) проблемы. Наиболее яркий пример таких мифов-иллюзий продемонстрирован в фильме «Хвост виляет собакой» (реж. Б. Левинсон).

Миф-иллюзия активно использовались и используются пропагандой разных стран. Например, «когда нацистская Германия была уже

[1] Результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации «Государственная служба и гражданское общество в условиях проведения административной и судебно-правовой реформ», осуществленного Социологическим центром РАГС. http://www.rags.ru/s_center/opros4/index01.shtm.

близка к поражению в войне, Гитлер приказал организовать отряды «вервольфа» – банды подростков, которые терзали бы вражеские армии в тылу. …движение «вервольфа» в реальности не существовало. Геббельс сам изобретал и описывал подвиги «вервольфа». Когда в одной из бесед ему сказали, что «новости вервольфа» фальшивка, он ответил: «Это новости, которые должны быть!». …Геббельс был искренне убежден, что пропаганда творит реальность»[1].

Именно в случае создания и дальнейшего применения мифа-иллюзии можно говорить о манипуляции, поскольку именно таким образом власть либо отдельный ее представитель (напоминаю: мы ведем речь только о политических мифах и мифах в политике) зачастую оказывает воздействие на население. Наиболее ярким примером этого являются США. Это государство, которое достигло пределов совершенства в манипуляции как гражданами своей страны, так остальных стран мира. При этом пропаганда осуществляется столь искусно и ненавязчиво, что американцы искренне полагают, что живут в самой свободной стране. На ниве пропаганды работают практически все отрасли культуры, пропагандируя «американский образ жизни». «Американец и слышать не хочет, что им манипулируют. Пусть делают это, если благосостояние будет расти так же, как в последние 20 лет», – пишет А.Д. Бакстер.

В предвыборных кампаниях очень активно создаются мифы-иллюзии, являющиеся, по сути, политической рекламой, продвигающей созданные политтехнологами образ, а не реального человека. Обратимся к истории выборов в США. В предвыборной кампании Дж. Буша (1988 г.) «не только каждое высказывание Буша, но и мельчайшие детали, вплоть до жестов, тщательно продумывались профессионалами. …Галстук тщательно подбирался к костюму и рубашке, а съемки велись по возможности, при ярких солнечных лучах. В кадре Дж. Буш выглядел, по замыслу профессионалов, как "душа любящей семьи", человек, которого окружает целая "армия преданных ему друзей". Сценарий выступления Буша расписывался…»[2]. Политтехнологи становятся главными режиссерами «политического спектакля». По сути, роль последних изначально предполагала посредничество между электоратом и кандидатами, но посредничество обоюдовыгодное(!). Тем не менее в реальности задача самими же политтехнологами была намного упрощена и сведена только к транслированию кандидату представлений населения об «идеальном» или «успешном» кандидате, а затем к воплощению этих представлений в

[1] *Цуладзе А.* Политическая мифология. М., 2003. С. 225 – 226.

[2] *Музыкант В.Л.* Теория и практика современной рекламы. Ч. II. М., 1998. С. 131.

виде создания образа, иллюзии, за которые будут голосовать избиратели.

Таким образом, краткий экскурс в «политическую» жизнь мифа можно завершить. Среди представленных форм существования мифа в политике, конечно же, перечислены и освещены не все. Однако уже этот обзор позволяет говорить о многогранности данного феномена в политике, его неоднозначности. Присутствие этой простой и одновременно сложной формы дает возможность познать что-то, доселе казавшееся «запредельным», а над чем-то еще раз задуматься.